

В. Г. Белинский

Стихотворения Эдуарда Губера...

Виссарион Григорьевич Белинский

Стихотворения Эдуарда Губера...

«Что нужно человеку для того, чтоб писать стихи? – Чувство, мысли, образованность, вдохновение и т. д. Вот что ответят вам все на подобный вопрос. По нашему мнению, всего нужнее – поэтическое призвание, художнический талант. Это главное; все другое идет своим чередом уже за ним. Правда, на одном таланте в наше время недалеко уедешь; но дело в том, что без таланта нельзя и двинуться, нельзя сделать и шагу, и без него ровно ни к чему не служат поэту ни наука, ни образованность, ни симпатия с живыми интересами современной действительности, ни страстная натура, ни сильный характер...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Стихотворения Эдуарда
Губера...**

*СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДУАРДА ГУБЕРА.
Санкт-Петербург. 1845. В тип. Штаба
Отдельного корпуса внутренней стра-
жи. В 8-ю д. л., 112 стр.*

Что нужно человеку для того, чтоб писать стихи? – Чувство, мысли, образованность, вдохновение и т. д. Вот что ответят вам все на подобный вопрос. По нашему мнению, всего нужнее – поэтическое призвание, художнический талант. Это главное; все другое идет своим чередом уже за ним. Правда, на одном таланте в наше время недалеко уедешь; но дело в том, что без таланта нельзя и двинуться, нельзя сделать и шагу, и без него ровно ни к чему не служат поэту ни наука, ни образованность, ни симпатия с живыми интересами современной действительности, ни страстная натура, ни сильный характер; без таланта все это – потерянный капитал. Но в чем же состоит талант? – В *непосредственной* способности поэтически воспринимать чувством впечатления действительности и воспроизводить их деятельностью фантазии в поэтических образах. Заметьте: *непосредственной*, то есть такой способности, которую размышление и мысль вообще может развивать и усиливать (а иногда заглушать и ослаблять), которую дает природа, а не размышление, не мысль. Итак, эта способность есть счастливый дар

природы, составляет свойство, качество личности, но не заслугу с ее стороны, так же как красота не составляет заслуги женщины. Чувство есть один из главнейших деятелей поэтической природы; без чувства нет ни поэта, ни поэзии; но тем не менее можно иметь чувство, даже писать недурные стихи, насквозь проникнутые чувством, – и несколько не быть поэтом. Вы знаете романс Мерзлякова – «Велизарий», начинающийся стихом:

Малютка, шлем нося, просил?

Вы знаете песню Мерзлякова: «Среди долины ровныя»? Разве в них нет чувства? Напротив, очень много; а между тем обе эти пьесы, особенно последняя, теперь больше смешны, нежели трогательны. То же самое можно сказать почти обо всех произведениях наших старинных поэтов, особенно карамзинской эпохи. Вспомните или перечтите пьесы: «Выйду я на реченьку»; «Раиса»; «Пой во мраке тихой нощи»; «Кто мог любить так страстно»; «Мы желали – и свершилось»; «Доволен я судьбою»; «Веют осенние ветры»; «Видел славный я дворец»; «О любезный, о мой ми-

мый»; «Без друга и без милой»; «Куда мне, сердце страстно»; «Что с тобою, ангел, стало»; «Стонет сизый голубочек»; «Ах, когда б я прежде знала» и пр[1]. Все они в свое время считались образцовыми произведениями поэзии, восхищали целую эпоху; их читали, пели, покупали книгами, списывали в тетради; все они написаны людьми с душою и сердцем и проникнуты чувством, – а между тем забыты теперь и смешат нас, как парики и фижмы. Что сгубило их? – То, что для поэзии мало одного чувства, а нужен прежде всего талант. Стало быть, у авторов этих пьес не было таланта? – Напротив, был талант, и еще замечательный, но талант чисто беллетрический и почти вовсе не поэтический. Выразить хорошими, по своему времени, стихами какое-нибудь ощущение или чувство – еще не значит быть поэтом. Державин составляет исключение из наших старинных поэтов. Многие его пьесы страшно сухи и скучны, потому что в них, кроме реторики, нет ничего, и потому теперь нет никакой возможности читать их; но у него же есть много пьес, которые теперь устарели по языку, местами не чужды

реторики, словом, заключают в себе большие недостатки; но эти пьесы и теперь нисколько не смешны, потому что сквозь их старинную форму, сквозь их недостатки проблескивают, как яркая молния среди мрачной ночи, красоты генияльные. У Державина есть пьесы, которые местами и теперь можно читать с живейшим восторгом, с истинным наслаждением, и есть другие, которые и в целом прекрасны. Что же дало Державину такое огромное преимущество перед всеми поэтами его времени и даже явившимися после него, когда уже язык русский сделал большой шаг вперед? – Непосредственный талант творчества. Поэзия Державина исполнена проблесков художественности, и если художественный элемент не мог освободить его от ретирики и сделать его поэтом вполне, – причина этого не недостаток, не слабость таланта, а время, в которое Державин жил и которое не допустило развиться в полноте его громадному, великому таланту. Художественный элемент, проглянув в поэзии Державина, надолго скрылся вовсе из русской поэзии. Карамзин, Нелединский-Мелецкий и особенно Дмитриев и Озе-

ров много сделали, чтоб приготовить и уладить дорогу для торжественной колесницы поэзии; но поэтами они не были, – они были только даровитыми и блестящими беллетристами в области поэзии. Явился Жуковский – и оплодотворил почву русской поэзии семенами романтизма. Но тут заслуга состояла больше в расширении круга содержания для русской поэзии, доселе страдавшей скудостью содержания и поневоле прибегавшей к риторике, нежели в создании образцов художественности. Впрочем, и с этой стороны в лице Жуковского русская поэзия сделала значительный шаг вперед. Его стих своею отделкою далеко оставил за собою стих Державина, Дмитриева, Озерова и, сверх того, отличался оригинальностью, силою, упругостью. Собственные его произведения, особенно патристические (и преимущественно «Певец во стане русских воинов»), принадлежат больше к области красноречия, нежели к области поэзии, и поэтому представляют собою ложные образцы поэзии, которые никаким образом не могут быть даже и сравниваемы с лучшими пьесами Державина, хотя и далеко превос-

ходят последние со стороны языка и вообще технической отделки. Художественные переводы Жуковского (особенно из Шиллера, какковы: «Орлеанская дева», «Торжество победителей», «Жалобы Цереры» и многие другие) относятся к пушкинской эпохе русской поэзии. Почти в то время, как Жуковский начал вносить романтику в содержание русской поэзии, – Батюшков начал возводить ее до художественности в форме. Талант Батюшкова гораздо меньше таланта Державина, но, мимо всяких сравнений, это был замечательно сильный талант. Благодаря услугам, оказанным языку и стиху русскому Карамзиным, Дмитриевым, Озеровым, и собственной наклонности к классической поэзии древнего мира Батюшков в художественности форм ушел несоразмерно дальше Державина. Можно сказать, что художественный элемент впервые выглянул в поэзии Державина, а в поэзии Батюшкова он уже силился взять перевес над беллетристикою и реторикою. Но до полной художественности Батюшкову не дано было дойти: это было дело гения, а не таланта, хотя бы и большого. Явился Пушкин –

и русская поэзия перестала быть стремлением к поэзии, как у Державина; перестала быть беллетристикою, как у Карамзина, Дмитриева, Озерова; перестала быть исключительною поэзию одного только рода, как у Крылова, перестала быть односторонним романтическим стремлением к неопределенному и туманному, как у Жуковского; перестала быть стремлением к художественности, как у Батюшкова; но явилась истинною, художественною, творческою поэзию.

Вот этот-то элемент, который так усиленно стремился развиться в русской поэзии и который в поэзии Пушкина сделался самостоятельным и, подобно свету, проникающему кристалл, проник все другие элементы его поэзии, — этот-то элемент и есть произведение *непосредственной способности поэтически воспринимать впечатления действительности и воспроизводить их, деятельностью фантазии, в поэтических образах*, — способности, которая составляет творческий талант. Этот талант проявляется и в концепции целого создания, и в идеях, и в чувствах, и в стихе, которые прежде всего должны быть поэтиче-

скими. Поэзия и стихотворство – две вещи совершенно различные, потому что в стихе бывают достоинства внешние и внутренние: можно подделаться под стих Пушкина, но легче создать свой собственный стих, не уступающий его стиху, нежели усвоить его стих, потому что сила, энергия, упругость, гибкость, прелесть, грация, полнота, звучность, гармония, живописность и пластичность его стиха происходят не от внешней его отделки, а от внутренней его жизненности, которую вдохнула в него творческая власть и сила поэта.

Вот мысли, на которые невольно навело нас чтение стихотворений г. Губера. В этих стихотворениях мы увидели хорошо обработанный стих, много чувства, еще больше неподдельной грусти и меланхолии, ум и образованность; но, признаемся, очень мало заметили поэтического таланта, чтоб не сказать, – совсем не заметили его. Везде сердце, которое чувствует, везде ум, который не столько мыслит, сколько рефлектирует, то есть рассуждает о собственных чувствах и собственных мыслях, – и нигде фантазии, ко-

горя творит! Субъективности, как выражения сильной личности, которая на все кладет свой отпечаток и все перерабатывает своею самодеятельностью, нет и следов и признаков в стихотворениях г. Губера; а между тем сколько найдется критиков, которые назовут его субъективным поэтом, не понимая значения этого эпитета! И не мудрено: г. Губер воспекает больше свои собственные страдания, свои ощущения, свои чувства, свою судьбу, словом – самого себя. Но это совсем не субъективность, хотя в то же время совсем, совсем и не объективность: это скорее опозитизированный эгоизм. «Могила матери», «На кладбище», «Три сновидения», «Стремление», «Путь жизни», «Три клада», «Первое признание», «Печаль вдохновения», «Друзья», «Моя гробница», «Перепутье», «Душе», «Ревность», «Молитва», «Благовест», «Одиночество», «Мертвая красавица», «Жалоба», «В минуты скорбные и гнева и волнений», «На покой», «Могила», «Бессонница», «Когда в годину испытанья», «Песня», «Расчет», «Князю Д. П. Салтыкову», «На чужой могиле», «Проклятие», «Странник» – вот 29 стихотворений (из числа 50-ти,

составляющих всю книжку), в которых автор говорит о самом себе. Да какой же поэт больше всего не говорит о самом себе? Ведь поэт потому и поэт, что он всю действительность проводит через свое Я, чтоб она прошла из него, как очищенное золото из горнила? – Так; но на это нужно иметь право. А не то толпа как раз скажет поэту: «Вы несчастны? – а нам какое дело? Мы тоже несчастны». В самом деле, что вы, поэт, скажете о себе столь интересного, чтоб вас могли с участием выслушать вот эти люди, которые сидят вместе с вами в этой комнате, и каждый из них занят своим разговором, своим интересом? Вот этот из них тоже рыдал над могилою матери; этот оплакал кончину любимой женщины, составлявшей счастье его жизни; этот глупо влюблялся, нелепо тратил силы души; этот страдал по непреклонной красавице, хотел застрелиться, а кончил женитьбою по расчету и охладел к женщинам и к любви; этот обманулся в своих идеалах, а этот в расчетах своего самолюбия, и все они, каждый по-своему, озлоблены против жизни, людей и самих себя... Что вы скажете, им о себе такого, за что

бы признали они вас выше самих себя? Нет, они скажут вам:

Какое дело нам, страдал ты или нет![2]

А не то ответят вам вашими же стихами:

*Какое дело нам до суетных желаний
Любви восторженной твоей
Или до жалких ран, до мелочных
страданий
Твоих бессмысленных страстей?*

.....
*Да прогремят они больному поко-
ленью
Глаголы гнева и стыда;
Да соберут они бездействием и
ленью
Изнеможенные стада!
В годину тяжкую, в минуту близ-
кой брани
Мы ждем воззвания к мечу;
Но вы, тщедушные певцы своих
страданий,
Вы дети, нам не по плечу!
Что общего у нас? Нам ваши пес-
ни чужды,
Нам ваши жалобы смешны,*

*Вы плачете шутя, а нам другие
нужды,
Другие слезы нам даны.*

.....

*Мы не хотим ни слез, ни вздохов
вопиющих
Долой, пустые воркуны!
Вы не нарушите святой, судеб
грядущих
Глубоко полной тишины[3].*

Это будет жестко с их стороны; но не забудьте, что, подобно вам, они люди озлобленные, и о кладбище и смерти думают чаще, нежели о счастье, любви и других обманах сердца и фантазии...

Поэт тогда только имеет право говорить толпе о себе, когда его звуки покоряют ее неведомою силою, знакомят ее с иными страданиями, с иным блаженством, нежели какое впала она, и даже ее собственное, знакомое ей страдание и блаженство передают ей в новом, облагороженном и очищенном виде. Но для этого надо стоять целою головою выше этой толпы, чтоб она видела вас не наравне с собою... Таковы бывают истинно субъективные поэты... Опоэтизированный эгоизм, веч-

но роющийся в пустоте своего скучного существования и выносящий оттуда одни стоны, хотя бы и искренние, теперь никому не новость и всем кажется пошлым...

Для образчика поэзии г. Губера и для проверки нашего суждения о ней выписываем целые три пьесы.

*Остановись, мой грозный гений!
Зачем меня покинул ты?
Отдай мне тайну вдохновений,
Волшебный звук твоей мечты.
Ты мрачен, спутник мой суровый,
Ты чужд любви, ты враг людей;
Не полюбил ты жизни новой,
Ни новой радости моей.
Но в тяжкий час сердечной муки
Ты бедняка не забывал,
Ты приносил живые звуки,
Ты песням грустным научал.
О, сколько звучных песнопений
Моим печалям ты дарил,
И сколько бурных вдохновений,
Горячих слез, тоски, мучений
Ты вместе с ними приносил!
Прошла печаль души мятежной;
Среди волнений и скорбей
Нежданный луч надежды нежной*

Блеснул над хижинкой моей.
Я тихо гостью улыбнулся,
И сладко плакать стало мне,
И, обновленный, я проснулся
В святой, заветной тишине.
Но вдруг тогда, мой грозный ге-
ний,
Меня с тоской покинул ты!
И на роскошные мечты
Не стало прежних вдохновений.
Ты отнял их – они твои.
О, возврати – мне жаль разлуки,

О, возврати мне эти звуки
И песни грустные мои!
Но нет! прости, ты жжешь, тре-
вожишь,
Страшусь твоих волнений я:
Ты тихий мир мой уничтожишь,
Разрушишь прелесть бытия.
Оставь меня, суровый гений,
В моей заветной тишине;
Твоих ужасных вдохновений,
Твоей тоски не нужно мне!
Но если та же грусть, как
прежде,
В больное сердце упадет,
И в чудной, сладостной надежде

Душа отрады не найдет;
Но если с пышными мечтами
Расстанусь я в тоске немой,
И горе жгучими слезами
Покроет взор туманный мой:
Тогда отдай, мой друг суровый,
Отдай мне горести мои!
И я проснусь для песни новой,
Неукротимой и суровой,
Как вдохновения твои!

Когда разворачиваю я
Печальный свиток жизни бедной,
Итог пустого бытия,
И бесполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
Пройдет обычной чередою
Холодный ряд бесцветных дней
С его томительной тщетою,

Тогда рождается во мне
Вопрос обидного сомненья:
Ужели в страшной тишине
Мой век прошел без назначенья?

Или, окован суетой,
Я цели тайной не заметил

*И ни единою чертой
Духовной жизни не отметил?*

*И мне благая часть дана —
Но я над нею терн посеял
И ни единого зерна
Не возрастил, не возлелеял.*

*Я своевольно издержал
Мои божественные силы,
И ныне мертвый капитал
Несу к дверям моей могилы.*

*У этой пропасти без дна
Со страхом жизнь мою объемлю:
Я ни единого зерна
Не положил в родную землю.*

*Ничем я жизни не вознес,
Ничем я жизни не украсил;
Я дни мои от горьких слез,
От мыслей лень обезопасил.*

*Но ежели, как вялый сон,
Мой век и суетен и мрачен,
Зачем по крайней мере он
Грехом могучим не означен?*

Зачем не внес он новых ран
В глухую повесть человека? —
И двинул бы благой обман
Пружины дремлющего века!
Но нет, и дик и темен он,
Без вдохновения и силы,
Однообразный, вялый сон,
Могила жизни до могилы.

Я вижу, смерть близка: болезнен-
ные силы
Последней вспыхнули борьбой.
Я встречу наконец на ступенях
могилы
С неумолимою судьбой.

И ныне, рядом с ней, мне хочется
поверить
Итог пустого бытия.
Не буду сетовать, не стану лице-
мерить
И страхом не унижусь я.

Прощаясь с жизнью, в урочный
час разлуки,
Над нею некогда шутить;
Но полную тревог и слез и тайной
муки

Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что с колыбели

Я был игралищем судьбы,
За то, что дни мои я проволок без
цели

В тревогах суетной борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой ви-
дений,

Игравших жизнь мою,
За бесконечный ряд коварных за-
блуждений

И неразгаданных страстей;

За то, что все мои мечты и упо-
ванья

Она презренью обрекла,
Что не исполнила ни одного же-
ланья

И горьких слез не поняла;

За то, что душу я отравую со-
мненья,

Что сердце ядом напоил;
За то, что никогда в душе благо-
словенья

Ни для кого не находил;

Что, идя за толпой, я по тропе избитой

Не бросил яркого следа;

Что не оставляю я ни мысли плодovitой,

Ни благородного труда.

Я прокляну ее за все, что в мире видел,

За все, что в жизни презирал,

За все, что я любил, за все, что ненавидал,

Что с тайным страхом проклинал.

Не одна ли и та же это песня? А одно и то же, воля ваша, наскучает... И притом тут есть хороший стих (который, впрочем, так обыкновенен в наше время), есть чувство, если хотите, даже много чувства, и мы верим искренности поэта, верим его страданию; но где же поэзия? где же фантазия? где созданные ею образы?

Объективные пьесы г. Губера всего лучше подтверждают справедливость нашего сужде-

ния. Вот две из них:

*Жива, как забава, как смех весела,
Несется волшебница-дева,
Кружится и пляшет, быстра, как
стрела,
Под звуки родного напева.*

*Как воздух, легка, понеслась и ле-
тит
И тешится резвой игрою;
Дика, как разврат, закружилась,
дрожит
И манит улыбкой живою.*

*Жаждой неги дыша,
Как любовь, хороша,
Горяча, как огонь поцелуя,
И мила и стройна,
Пролетела она,
Мимолетной улыбкой даруя,
И бежит, и летит,
И дрожит, и горит,
И ревнивый покров раздирает;
А с нагого плеча
Сорвалась епанча
И шумя перед ней упадает.
Вот она, дитя Востока,
В сладострастной красоте,*

*Жрица пышного порока,
В полной дикой нагоде.*

*И зовет палящим взором,
Манит бархатом ланит,
И любитесь позором,
И хохочет, и дрожит.*

*Вдруг в безмолвии суровом,
И стыдлива и скромна,
Под разодранным покровом
Робко прячется она.*

*Так, настигнута врагами,
Чуя гибельную брань,
Исчезает за кустами
Перепуганная лань.*

*Миг – и снова вспыхнет дева,
Сладострастия полна,
И опять под звук напева,
Как огонь, как стрела, пролетела
она.*

*Как младенец, боязлива,
Одинока и дика,
То тиха, то говорлива,*

Просыпается река.

*Оглянулась и выходит —
Даль чужая перед ней;
Буря речи с ней заводит,
Ветер песни шепчет ей.*

*Вот она волной стыдливой,
Чуть колыша в первый раз,
Как ребенок боязливый,
Выступает напоказ.*

*Вот пошла и зашумела —
Ей попытка удалась,
Вот волнами закипела
И потоком разлилась.*

*Необъятная, как море,
Широка и глубока,
Разгулялась на просторе
Наша царская река.*

*Перед ней края чужбины —
Но она не изменит;
Никогда чуждой долины
Свежий ток не напоит.*

За предел родной державы

*Наша Волга не пойдет;
Светлый пояс русской славы
Чуждых стран не обоймет.*

Видите ли: как скоро попробовал поэт выйти из самого себя и посмотреть на мир и на жизнь, – в его стихах не стало и чувства, а явились одни фразы, да и те довольно бедные значением. В самом деле, неужели это мысль, а не фраза, что Волга течет там, где она течет, а не там, где она не течет?..

У г. Губера несколько пьес посвящены поэту, то есть характеристике поэта[4]. Он смотрит на него, правда, как на человека очень хорошего и почтенного, но только поэта мы в нем все-таки не видим. Нам кажется, что значение поэта не довольно верно, ясно и отчетливо понято г. Губером...

Нет, в наше время трудно быть поэтом, – так же трудно, как легко писать стихи!..

Комментарии

Стихотворения «Раиса» («Во тьме ночной ярилась буря...»), «К соловью» («Пой во мраке тихой нощи...»), «Прости» («Кто мог любить так страстно...»), «Мы желали – и свершилось», «Осень» («Веют осенние ветры...»), «Песня» («Доволен я судьбою...») – Н. М. Карамзина; «Видел славный я дворец...», «Что с тобою, ангел, стало?..», «Стонет сизый голубочек...» – И. И. Дмитриева; «Выйду ль я на реченьку...» – Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

[^^^]

2

Из стихотворения Лермонтова «Не верь себе».

[^^^]

Из стихотворения Губера «Иным».

[^^^]

4

Стихотворения Губера из этого сборника:
«Судьба поэта», «Награда поэта», «Художнику», «Поэт».

[^^^]